

**Всероссийская олимпиада школьников по литературе.
2017 – 2018 учебный год. Заключительный этап**

**Первый тур
11 класс**

Проведите целостный анализ текста (прозаического ИЛИ стихотворного – НА ВЫБОР)

Марина Вишневецкая

**Т. И. Н.
(опыт сада)**

Соседи моей двоюродной сестры, пока не новые русские, но люди, к этому явно предрасположенные, много и трудно для этого работающие, хочется сказать старомодно: «попросили меня посидеть»... но нет, наняли на три летних месяца няней и немного гувернанткой – за хорошие, по моим представлениям, деньги. В институте к этому времени мне оставили уже только заочников, так что лето, всё целиком, стало моим.

В нашем с Дашей распоряжении оказалась половина одноэтажного дома: три комнаты с кухней и чудной, обитой вагонкой верандой. Вход у нас был отдельный, перед крыльцом цветник, вокруг дома сад.

В этом саду я впервые увидела, как раскрывается мак. Происходит это ровно за двадцать минут. Лопается бутон, причём лопается внизу, под ним оказывается ком как будто смятой папиросной бумаги. И этот ком на твоих глазах неспешно приподнимается, расправляется, чтобы в конце концов сбросить зелёную, шершавую, мешающую прищёлку. Новорождённый мак ещё влажен – всего только мак, а стоит и покачивается, как однодневный телёнок. Он родился. Если ты это видел, его уже невозможно сорвать.

А чтобы увидеть закат – во всю ширь, иногда во всю его многоярусную и многоцветную глубину, – нам с Дашей было достаточно выйти на огород. А уж если девочка моя не ленилась, не капризничала, не сводила со мной счёты за какое-нибудь дневное «нельзя», мы отправлялись на наш косогор: внизу, словно в чьей-то мозолистой ладони, лежала деревенька, а за ней вверх по склону, к самому небу карабкался густой, смешанный, в эти минуты уже, как смола, чёрный лес и впечатывал свои ели в самые облака. В августе на эту натруженную ладонь, как будто другой, свободной рукой, были небрежно брошены хлопья тумана. И похожая дымка то там, то тут тянулась над лесом. В моём детстве мы украшали ёлку просто кусочками ваты. А получалось вот так же таинственно.

Когда солнце соскальзывало, а иногда казалось, стекало за растопыренные, будто вырезанные ножницами ели, и утягивало, – а он медлил, не хотел, не утягивался, – последний лучик, Даша сердилась, сердилась искренне, а хмурилась деланно, яростно топала ногой: «Ну всё, его нет! Всё, всё, пошли отсюда!» – как будто и ей могло быть по-настоящему грустно. Грустно, в какой-то миг безысходно, потом отстранённо, спустя мгновение – отрёшённо... и вдруг почему-то светло. Невыразимо. Стареющая женщина и девочка четырёх с небольшим лет, друг другу случайные, можно сказать, чужие, стояли, в этой невыразимости увязнув, – если правда, что птицы во время заката на миг умолкают, я думаю, ровно по той же причине, – а потом и мне, и ей как-то сразу делалось зябко. Она хныкала, просила жакетик, хотела, чтобы домой я несла её на руках. И часто засыпала, прилипнув кудряшками к моей взмокшей шее, укаченная на ходу моим немного вразвалочку шагом. В саду было уже по-настоящему сумеречно. И только синицы дозванивали не высказанное друг другу за день.

Ночью яблоки буквально шагали по саду – большими размеренными шагами. И от Даши, на соседней кровати неслышной, беспомощной, кроткой, себя уже было не отличить. По саду расхаживал кто-то огромный, надёжный, правильный. Казалось, вдохнёт, дунет и раскачает твою колыбель. Ночью ведь спишь в положении эмбриона... и, видимо, потому

все твои возрасты проваливаются куда-то в подпол. Лежишь и слушаешь, как мыши их перемалывают в труху.

Или – как безумствует дождь.

Ливень по саду метался, в нём неистовствовал. Листья, земля, цветы, крыша над головой дрожали, звенели, кричали в ответ. Потом ветер стихал, а дождь всё только усиливался – это была неостановимо работающая гильотина, то и дело вспыхивающая своим занесённым острием. Она рубила все нити, связывающие нас с большой землёй. Плащ, сапоги, зонт, набитый продуктами холодильник, мобильник, оставленный Дашиними родителями, – не утешало ничто. Потому что переживание было каким-то мистическим. В городе, в блочной многоэтажке, когда ночью льёт дождь, думаешь о тех, кто в земле, каково им там, бедным, – мужу, маме... Или, если отец допоздна засиделся на лавочке, смотришь, как тяжело он переставляет ноги, как, промокнув уже насквозь, в облепивших его худобу штанах и рубашке, медленно шкандыбает к подъезду. Или как случайный прохожий мечется между потоками, низвергающимися с крыши, и неотвратимым прибоем, несущимся на него из-под колёс...

На даче всё по-другому. Ты – младенец, предсказания были ужасны, родители в них поверили, и вот ты уже брошен в корзину, корзина – в бурную, пенящуюся реку, – ты всё уже понимаешь, но не в твоих слабых силах что бы то ни было изменить.

Если же гром стучал кулаком прямо по нашей крыше – однажды спросонья мне показалось: это неспелый арбуз свалился мне на голову, и вот уж в разные стороны полетели белые ломти-ошметки! – Дашка в ужасе забиралась в мою кровать, дрожала, прижималась к моему и сквозь ночную рубашку тепло, может быть, даже жару своим холодным, дрожащим тельцем, – дом становился ковчегом, а голубь, отправленный наугад, наудачу, дважды уже возвратился. Кто знает, он мог вернуться и в третий раз – книга книг ещё не была написана. И слова, которые я шептала всхлипывающему в меня комочку, – про долгожданную воду, которую пьют сейчас под землёй гномики, эльфы, и червячки, и кроты, и мышки, и корни деревьев, а домовята сейчас запасают воду для баньки, а добрые кикиморы (слышишь, как плещутся?) отмывают на болоте своих маленьких деток, – были не из меня, я не знаю, откуда, – из детства? не моего – ещё прапрабабкиного, должно быть.

Утром я снова просыпалась во взрослость, вернее сказать, в престарелость... Горсть таблеток запивала родниковой водой. Здравовалась с паучком, высевшим перед дверью веранды – всегда на уровне моих глаз. Он был очень похож на краба и так затейливо полосат, а может быть, даже и конопат, что мне бы для полноты знакомства десятикратную лупу, а я опять забыла её в Москве!.. Боднув паучка ногтём, – отчего он стремительно, точно кисть виртуозной арфистки, уносился ввысь, – я открывала дверь. Я точно знала, что сейчас увижу... А увиденное опять заставало врасплох. Трава от густой росы стояла вся белая, солнце ещё не поднялось, а яблоки лежали в траве и светились. Даже в самое хмурое утро. Свет был у них внутри. Наш с Дашкой белый налив – с обязательной тёмной отметиной на ударившемся боку. Яблоки я собирала в корзину. Рыхлость отметин вырезала. И делала яблочное пюре.

Я застала Дашу в тот миг её жизни, когда маленькая девочка таинственным образом уживалась в ней с маленькой женщиной, манерной, капризной, подчас дрянной. «Ты не любишь меня, ты никого не любишь! У тебя поэтому нет детей! Моя мамочка дорогая, родная приедет и выгонит тебя отсюда на кулички!» – вдруг кричала она на самый пустяковый запрет. И валялась в траве, на полу, однажды даже в грязи – там, где застала её ярость. Она знала, как я люблю этот мак, он раскрылся на моих глазах, когда Даша ещё спала, но всё увиденное я ей рассказала, и она несколько раз в день подбегала к нему, ручки смешно заводила за спину и нежно вдыхала... А потом вырвала его – где только силы взяла? – прямо с корнем, стоило мне не включить ей в сорок пятый раз её любимый фильм «Лабиринт» – из-за долгой прогулки мы не успели с ней позаниматься французским. «У тебя тоже не останется в жизни больше никакой, никакой, никакой радости!» – и топтала его ногами.

И это же самое дитя, спустя всего час, могло положить мне головку на руку, на колени, руку поцеловать – без притворства, с нежностью, которая возможна разве что между шмелём и цветком: «Таточка, ты мне совсем ещё не надоела. Ты будешь жить с нами всегда-всегда?» Её влажно набухшие от полноты чувств глаза смотрели прямо в меня, минуя зрачки, в мою испуганно сжавшуюся, а потом вдруг рванувшуюся к ней душу.

Синицы появились в нашем саду в середине июля. Стояла жара. Две мелкие птички обнаружили под козырьком крыльца небольшой прямоугольный провал и стали пытаться в него влететь. Перечёркивали воздух, в нём изворачивались, метались, старались... Но с лёгкостью у них это стало получаться не сразу. Только к вечеру первого дня. Чтобы их возле нас удержать, мы стали подкармливать их семечками. Сыпали щедро – на перила крыльца. И через несколько дней у нас столовалось уже шесть «летучих яблочек». Это Дашка их так окрестила.

Спустя пару недель, совсем к нам привыкнув, они хватали гостинец почти что из рук. Если же мы вдруг про них забывали, принимались метаться перед самыми глазами, доводя Дашу до иступлённого, восторженного визга.

Схватив семечку, птица неслась на яблоню. Семечку придерживала лапами и долбила клювом. Вдруг слышался лёгкий хруст – точно такой же, когда лузгу разгрызаешь зубами. И ровно на этот миг делалось что-то понятней – про себя, про синицу... может быть, про то, что бездна, нас разделяющая, не так и огромна.

А потом они начинали звенеть. Пока они пощёлкивали или потенькивали, они всё-таки были птицами. Но их металлический перезвон, а в иные мгновения он становился и вовсе хрустальным, делал их существами иной природы – механической, ангельской, я не знаю какой, – неземной. Плачу я легко, слёзы мои стоят недорого. Но чтобы вдруг проследиться от звона синиц, чтобы слушать его с перехваченным горлом?.. Потому ли, что всякий сад – это Сад?

Когда над ним повисало облако, – монументальное, затейливое, изошрённо вылепленное ещё и светом, ещё и тенью, во всей необозримости времён и судеб – такое одно, на твоих глазах едва уловимо меняющееся, только в это мгновение и существующее, стоящее и плывущее, не соразмерное ни тебе, ни божьей коровке, ни дереву, а всё-таки позволяющее себя охватить целиком и уже только этим всех уравнивая со всеми, – сад тоже делался островом, облаком, астероидом, обещанием встречи с теми, с кем никогда уже не увидеться на земле. Сад, такой живой и сиюминутный, каждый миг изумлявший то снежно-белой запырошенностью жасмина, то торжественно бордовым свечением барбариса, то вдруг огненно полыхнувшими возле изгороди настурциями или малиной, которую, сколько ни собирай, всякий день её делается больше и больше, – в конце августа, как бывает только перед разлукой, сад во мне словно бы замер, потом как будто окаменел... Он стал казаться мне каменной скрижалью, истёртой миллионами прикосновений, но, если закрыть глаза и отправить в путешествие зрячие пальцы, под ними вдруг проступали разрозненные, случайные буквы. Они не складывались в слова. Я думаю, у меня просто не хватало воображения. А может быть, памяти.

Память таилась в непредсказуемых Дашиных реакциях. Вот она выметает с веранды добрую дюжину скукожившихся насекомых. Пальчиками выхватывает из кучки пчелу, кладёт на ладонь и слёзно бормочет: «Пчёлочка, ну пчёлочка! Ну лети же!» – и подбрасывает её с истовой верой в то, что смерти нет. А вот моя девочка маленькими осторожными шагами подходит к парнику – хозяйка впервые нас сюда позвала – полюбоваться. От всего увиденного Даша сутулится и крадётся, на лице почти испуг, в глазах – изумление: оказывается, перцы, огурцы и помидоры растут фактически на деревьях, оказывается, помидоры бывают и жёлтого, и тёмно-бурого, и даже чёрного цвета, а помидор «бычье сердце» – по форме точно такой, как сердечко на заколке в её волосах, только уж слишком огромный – на её глазах сорванный и подаренный ей помидор. Она, как цыпленка, бережно прижимает его к груди. Мы выходим на воздух из влажного, целлофанового тепла. Мне кажется, Даша сейчас заплачет, иначе с увиденным не совладать. Молчит. Посапывая, идёт по тропинке.

На нашем крыльце наконец настороженно говорит: «Я его съем и что? Моё сердце станет таким же? Пребольшим-пребольшим и небьющимся?» – «Нет, не бойся! Не станет!» – «Нет, станет! Сейчас как съем его! И ты тоже, Таточка, чтобы ела!» – «Я не хочу, чтобы моё сердце стало небьющимся!» – «А я хочу! Я для тебя же хочу! Раз оно опять у тебя вдребезги!» – ноздри ширит, как мама, а в глазах, больших, папиных, влажно-матовых, будто только что вынутый из колючей шкурки каштан, насмешка, потом вдруг растерянность, нежность. Она кладет помидор на крыльцо, прижимается, обнимает мои колени. Август кончается. Скоро разлука.

Дашина мама, регулярно приезжавшая к нам на полтора выходных, – что давало мне маленький роздых, а главное – возможность метнуться в город, к отцу, – к этой разлуке Дашу готовила, видимо, исподволь. Я-то долгое время считала, что и в Москве хотя бы один раз в неделю мы продолжим наши занятия французским, чтением, счётом. Ведь мы на удивление много успели за лето. Но Дашина мама, женщина молодая, решительная, практичная, рассудила иначе. Ей не хотелось, чтобы Даша привязывалась к кому бы то ни было. Она не отваживалась делить с чужими людьми девочкину любовь.

А всё-таки этот сад у нас с Дашкой был. Я думаю, только стареющие женщины и совсем маленькие девочки в слове «был» могут расслышать «есть». Для всех остальных жизнь – это бурная, порожистая река, берега всё время меняются, слева и справа то и дело являются новые виды... А то, что вытекает эта река из сада и возвращается в тот же сад, люди не понимают, вернее сказать, не помнят. Да и я, не случись в моей жизни этого лета, почти наверняка об этом не вспомнила бы.

Деньги за август Дашин отец привез только в начале октября. Стоя в дверях, скромно извинился, беглым взглядом прошелся по унылости нашей прихожей, в прошлом году залитой соседями и до сих пор так и не отремонтированной... Протянул конверт и стал уже было прощаться. Вдруг сказал: «А знаете, что она вчера про вас изрекла? Уже в кровати!» Я пожалала плечами. «Папочка! Почему так получилось, что у Таты такое красивое лицо? Я хочу увидеть её голову и глаза!» – а потом, как будто бы о сказанном пожалел, отмахнулся рукой... или это он так со мной попрощался и бросился к лифту.

2001

Марина Артуровна Вишневецкая (род. в 1955 г.) – российский писатель, сценарист. Автор сценариев анимационных фильмов, искусствоведческих и исторических документальных лент. Автор юмористических текстов, стихотворений для детей, повестей и рассказов, регулярно печатается в толстых литературных журналах. Лауреат Премии журнала «Знамя» (1997, 2002), Премии Ивана Петровича Белкина (2002), Большой премии Аполлона Григорьева (2002).

Рассказ «Т. И. Н. (опыт сада)» вышел в 2001 году в журнале «Знамя», вместе с произведениями «В. Д. А. (опыт неучастия)», «М. М. Ч. (опыт возвращения)», «А.К.С. (опыт любви)» и рядом других составил сборник «Опыты» (2002).

Иван Жданов

* * *

Мороз в конце зимы трясёт сухой гербарий
и гонит по стеклу безмолвный шум травы,
и млечные стволы хрипят в его пожаре,
на прорези пустот накладывая швы.
Мороз в конце зимы берёт немую спицу
и чертит на стекле окошка моего:
то выведет перо, но не покажет птицу,
то нарисует мех и больше ничего.

Что делать нам в стране, лишённой суесловья?
По несколько веков там длится взмах ветвей.
Мы смотрим сквозь себя, дыша его любовью,
и кормим с рук своих его немых зверей.
Мы входим в этот мир, не прогибая воду,
горящие огни, как стебли, разводя.
Там звёзды, как ручьи, текут по небосводу
и тянется сквозь лёд голодный гул дождя.

Пока слова и смех в беспечном разговоре –
лишь повод для него, пока мы учим снег
паденью с облаков, пока в древесном хоре,
как лёд, звенят шмели, пока вся жизнь навек
вдруг входит в этот миг неведомой тоскою,
и некуда идти, – что делать нам в плену
морозной тишины и в том глухом покое
безветренных лесов, клонящихся ко сну?

1974

Иван Фёдорович Жданов (род. в 1948 г.) – современный поэт, эссеист. Лауреат Премии Андрея Белого (1988), Премии Аполлона Григорьева Академии русской современной словесности (1997), Новой Пушкинской премии в номинации «За совокупный творческий вклад в отечественную культуру» (2017). С конца 1990-х годов активно занимается фотографией.